ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/VNC.2021.78.39.014

ЕЩЕ РАЗ ОБ «АЛАНСКИХ» КРЕСТАХ

А.А. Туаллагов

Статья посвящена так называемым «аланским» бронзовым односторонним крестам, найденным на территории исторической Алании, в том числе непосредственно в аланских катакомбных погребениях на территории современной Северной Осетии. Кресты имеют фигурные окончания с вписанными в них парными медальонами. В медальонах представлены грубо исполненные личины, а в центре крестов – Распятие или Богоматерь Одигитрия. В настоящее время известно девять соответствующих образцов. Два из них явно имитируют кресты-энколпионы. Находки крестов в комплексах позволяют считать нижней хронологической границей бытования крестов подобного типа у алан Северного Кавказа XI–XII вв. По форме и хронологически им близок один из типов нательных крестов с территории Древней Руси. Предполагают, что он был продукцией провинциальной византийской мастерской. Но непосредственно «аланские» кресты, как установили исследователи, сопоставимы с уникальным видом процессионного креста, происходящего из Константинополя и также хронологически близкого. Следует полагать, что непосредственными образцами для «аланских» крестов были подобные процессионные кресты, что свидетельствовало бы о сложившейся особой связи с ними алан, либо кресты-энколпионы (что наиболее вероятно), образцы которых остаются до сих пор неизвестными. Допустимо дополнительное влияние на выработку их форм и других византийских и русских крестов-энколпионов. Процессионный крест позволяет уточнить конкретные образы грубо изображенных персонажей в медальонах, которые ранее определялись только как «святые». В то же время несомненна местная переработка изображений на «аланских» крестах. Некоторые дополнительные наблюдения, кроме всего прочего, позволяют полагать идейное схождение между отраженными в процессионных крестах представлениями и аланскими традиционными солярными верованиями.

***Ключевые слова**: кресты, кресты-энколпионы, процессионные кресты, Алания, Византия.*

Недавняя находка из Даргавского катакомбного могильника подвигла к выявлению аналогий, представленных кругом оригинальных «аланских» крестов с фигурными двулопастными концами. В них вписаны круглые медальоны с изображениями личин, подразумевающими передачу ликов христианских персонажей. Изображения высокорельефные. Кресты сопоставимы

с энколпионами второй византийской композиционно-иконографической схемы – Распятие–Богоматерь. Отличие от византийских образцов, у которых преобладали образы Богоматери Оранты или Киориттиссы, заключается в передаче на «аланских» крестах образа Богоматери Одигитрии. Изготовление связывается с ремесленными центрами Северного Кавказа, использовавшими для своего производства импортные образцы, типа Калежского городища [1, 316–320; 2, 496–498]. Часть данных находок, видимо, из Ставропольского края, происходит из грабительских раскопок, выставляясь затем на различных сайтах. К сожалению, данная практика продолжается (рис. 1), и к настоящему времени известно девять соответствующих образцов.

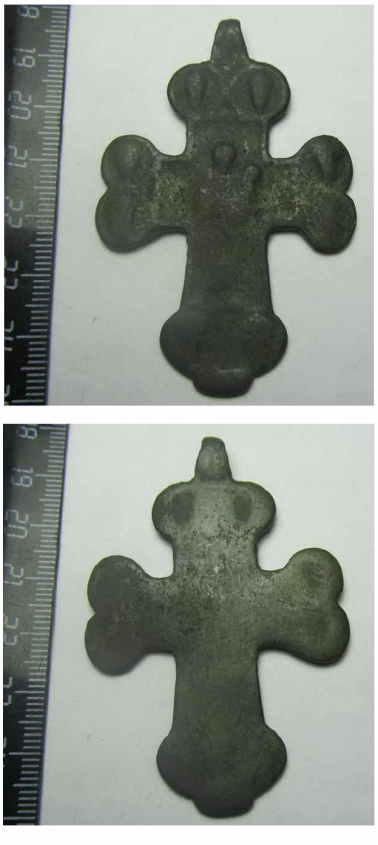

Рис. 1.
(https://meshok.net/pic.php?id=66027017)

Лишь три образца таких крестов происходят из погребальных комплексов, дающих возможность для датирования. Наиболее поздняя находка, представляющая две стороны одного креста, зафиксирована в погребении Келийского могильника, которое датируется концом XIII–XIV в. Однако время производства самого предмета не устанавливается.

Образец из катакомбы № 15 Змейского могильника (рис. 2), представляющий собой две склепанные стороны одного креста, предварительно отнесены к X–XII вв., исходя из общей датировки змейских погребений [3, 397]. Но, скорее, соответствующие змейские материалы должны датироваться XII – первой половиной XIV в. [4, 288], с преобладанием, как полагают, погребений XIII–XIV вв. [5, 105].

Рис. 2.

Третий образец зафиксирован в катакомбе № 92 Даргавского могильника (рис. 3), датируемой XI–XII вв. [6]. Функционирование могильника в XI в., с возможным выходом и на последующее время, отмечалось и другими специалистами [5, 105].

Таким образом, сегодня определяется нижняя хронологическая граница

бытования крестов подобного типа у алан Северного Кавказа – XI–XII вв.

Рис. 3.

Вероятно, их местное северокавказское производство относится к выделяемому этапу второй половины XI – XII в., когда в результате различных причин происходит ослабление экономических и конфессиональных связей между Аланией и Византией, что приводит к резкому сокращению византийского импорта христианской символики и росту местного производства [7, 81–82]. Строго полагать связь данных образцов со священнослужителями [8, 120], видимо, сложно.

Наличие фигурных двулопастных концов на «аланских» крестах заставляет прежде всего обратить внимание на кресты-тельники, включающие и образцы с Северного Кавказа, у которых с внешних сторон углов лопастей присоединены по два небольших круга. Они выделяются в тип VIII, вариант 1 – фигурные двухчастные концы, округлоконечные (по С.Н. Круглову, А.Б. Селезневу). Находки датируются XI – первой половиной XII в. и XI–XII вв. [9, 81, № 78, 82, № 80; 10, 30, 31, № 236, 66, 67, № 587, 66, 67, № 604].

Среди них представлен крест, у которого круги на нижней лопасти столь же четко присоединены с внешней стороны, тогда как остальные круги включены в сами лопасти [9, 81, № 77]. Отмечается также образец из Северного Причерноморья с круглыми фигурными окончаниями лопастей, в которые и вписаны круги с точками в центре. Оба образца датируются XI – первой половиной XII в. и предположительно определяются как продукция провинциальной византийской мастерской.

Исследователи не нашли им аналогий [9, 81–82, № 79]. Но кресты явно воспроизводят общую с «аланскими» крестами форму. Возможно, такой крест представлен в материалах могильника Мамай Сурка из Степного Поднепровья золотоордынского периода [11, 24, рис. 2, 5], в котором представлен аланский этнический компонент. На таких крестах [9, 303, таб. XV] в центре средокрестий представлены рельефные изображения круга. Он с точкой в центре воспроизводится с внешней стороны окончаний лопастей или самих лопастей. Круги и круги с точкой в центре отмечаются и по близким хронологически крестам иных типов (рис. 4).

Рис. 4.
(https://kulturologia.ru/blogs/150713/18549/)

В целом мы наблюдаем становление в интересующий нас период форм крестов-тельников с фигурными двулопастными концами, подобными на «аланских» крестах, за счет византийских источников. Но о том, что непосредственными прототипами «аланских» крестов могли быть именно энколпионы, свидетельствуют не только сами образцы энколпионов с указанной композиционно-иконографической схемой, но и находки из Змейского и Келийского могильников. Они, надо полагать, имитируют форму энколпионов.

Для русских энколпионов с тремя или четырьмя медальонами прототипами давно и надежно признаны византийские процессионные (запрестольные) кресты. Русские энколпионы исполнялись лишь в меньшем масштабе [12, 12–13; 13, 17, 27, 29]. Как некую схематичную аналогию к особенностям «аланских» находок отмечали бронзовые болгарские кресты X–XI вв. Их концы завершаются двумя кругами [14, 127–128]. В свете приведенных специалистами сопоставлений нами были упомянуты и византийские процессионные кресты X–XII вв. [1, 319]. Надо полагать, что в противовес указанию на болгарские образцы отмечались присущие для них растительный или геометрический орнаменты [15, 130, сн. 11].

Сегодня можно отметить особенности некоторых византийских процессионных крестов. Для них характерны бюстовые изображения христианских персонажей в круглых медальонах, которые помещены в центре креста и в центре его лопастей. Но у части византийских процессионных крестов X в. бюстовые изображения христианских персонажей помещены в одиночных круглых медальонах с внешней стороны лопастей креста [16, 12, fig. 3a, 13, fig. 3b].

Особо следует отметить серебряный процессионный крест конца X в. из Андрианополя, размером 58,4×46,5 см, хранящийся в музее Бенаки в Афинах (рис. 5). На нем, кроме бюстовых изображений христианских персонажей (на лицевой стороне – Христос Пантократор, Богоматерь, архангелы Михаил и Гавриил, на оборотной – Иоанн Креститель, святые Георгий и Феодор Тирон, равноапостольные Константин и Елена), вписанных в круглые медальоны в центре и на лопастях креста, изображены не только восьмилепестковые розетки, как на оборотной стороне, но и погрудные изображения христианских персонажей (Иоанн Златоуст, Василий Великий, Николай Мирликийский, целители Козьма и Дамиан, святые Прокопий и Сесиний) в круглых медальонах, помещенных парами на внешней стороне окончаний креста [17, 59–60, № 23; 18, 47]. Представляется, что мы знакомимся с интересующей нас развивающейся схемой византийских процессионных крестов как прототипов процессионных крестов, в свою очередь послужившими прототипами для «аланских» крестов.

Рис. 5.
(K(atsarelias) D. G. 1997)

С учетом наблюдаемого генезиса, одновременно представленного по форме крестами типа VIII, варианта 1, следует признать справедливым решение [15, 131; 16, 57], что прямым прототипом «аланских» крестов является бронзовый византийский процессионный крест-складень, точнее, его передняя створка [20, рис. 1], размером 19×11,5 см (рис. 6). Его нижний конец переходит в полую рукоять для насаживания на древко. На других процессионных крестах нижние концы заканчиваются штырями для вонзания в древко или помещения в специальную подставку. Створка приобретена в Константинополе и поступила в собрание Государственного Эрмитажа Санкт-Петербурга в 1902 г.

Рис. 6.
(Залесская В.Н. 2013)

Но следует обратить внимание на некоторые заметные отличия при сопоставлении с «аланскими» крестами с изображением Распятия из Калежского городища [14, 130, рис. 11], Змейского и Келийского могильников. У них отсутствуют изображения Богоматери и Иоанна Крестителя, предстоящих пред Распятием. Отсутствуют какие-либо надписи. Изображения высокорельефные в отличие от гравированных неглубокими врезными линиями на створке процессинного креста-складня. На месте бюстовых изображений христианских персонажей помещены каплевидные личины, в основном без всякой проработки деталей. Мы имеем явный пример местной переработки изображений на «аланских» крестах.

Передняя створка процессионного креста-складня с изображением Распятия точно соответствует форме «аланских» крестов. Бюстовые изображения христианских персонажей в парных медальонах, включенные в окончания лопастей креста, сопровождают идентифицирующими их надписями. В медальонах горизонтальной перекладины представлены слева – архангелы Михаил и Уриил, справа – Гавриил и Рафаил, вертикальной перекладины вверху – Иоанн Креститель и пророк Илия, внизу – апостолы Петр и Павел. Изображения сходны или даже тождественны изображениям на византийских крестах-энколпионах XI в., что подтверждает датировку и описанного процессионного креста-складня.

По мнению специалистов, его форма и объем вместилища более всего напоминает процессионные кресты, представленные в сцене крестного хода в Константинополе по поводу окончания засухи на миниатюре XII в. хроники Иоанна Скилицы [16, 23, fig. 8; 21, 11]. Но аналогии ему среди процессионных крестов отсутствуют [20, 178–180]. Мы можем согласиться с таким сопоставлением. Но прямое отождествление при таком сопоставлении представляется сомнительным, поскольку окончания лопастей крестов на миниатюре остроконечные.

Отсутствие прямых аналогий процессионному кресту-складню при наличии заметного количества образцов процессионных крестов иных типов представляется особо показательным. Данное положение может указывать на более тесное отношение между процессионным крестом-складнем и «аланскими» крестами. Возможно, оно включает в себя и ограниченность числа лиц, для которых впрок заготавливались такие процессионные кресты-складни. Вотивные надписи наносились уже потом по желанию приобретателя [20, 179].

Отметим, что данный процессионный крест-складень, как и «аланские» кресты, изготовлен из бронзы. Его размеры заметно меньше таковых у других византийских процессионных крестов. Но они только на треть больше размеров «аланских» крестов. Данный процессионный крест-складень, как и кресты-энколпионы, предназначался для хранения некой реликвии. Но, в отличие от других процессионных крестов с их хранилищами, он целиком являлся крестом-складнем (реликварием), что сближает его с крестами-энколпионами. Заметим, что датировки процессионного креста-складня XI в. и «аланского» креста из даргавской катакомбы XI–XII вв. синхронизируются, подтверждая нижнюю хронологическую черту бытования соответствующих крестов у алан, прототипы которых могли быть им современны. К данному периоду относятся и кресты упоминавшегося типа VIII, варианта 1.

Ученые указывали на индивидуальные ручные кресты, известные в христианской историографии с VI в., как атрибуты мучеников, но упоминающиеся в византийских источниках с X–XII вв. Они являют собой персональный аспект функционирования процессионных крестов малых форм, имеют меньшие размеры по сравнению с процессионными крестами и чаще изготавливались из бронзы. Иногда имели гравированные изображения или циркульный орнамент. Их концы могли украшать фигурные или парные каплевидные завершения. Большая часть таких крестов датирована X–XI вв., что

дополнительно подтверждается сходством нанесенных на них гравированных («врезных») изображений с иконографией энколпионов того времени.

Подобные кресты, но без орнамента и изготовленные из железа, уступающие бронзовым образцам по мастерству исполнения, представлены например, среди находок в христианских храмах Крыма и Северного Кавказа [22, 192–199]. В отношении находок крестов и их фрагментов в северокавказских храмах предполагают, что они «использовались не столько для литургических потребностей, сколько с целью вотивного подношения (ex voto) и приносились в церковь (действующую или заброшенную) прихожанами… могут свидетельствовать об обетном характере приношения крестов в храм… не исключено… приносились в качестве вотивных предметов, уже будучи ранее использованными… как подношения святым-покровителям» [23, 328, 330, 334].

Археологические и нарративные данные указывают на наличие многих персональных крестов, использовавшихся в литаниях X–XI вв. Полагают, что тогда шла и трансформация богослужебной традиции – индивидуальные процессионные кресты стали обращаться в вотивные приношения, как и часть обычных процессионных крестов. Бронзовые образцы преобладали на территории самой Византийской империи, а железные – преимущественно в провинциях и на христианизировавшихся территориях. Таким образом, отмечается процесс включения предметов личного благочестия в контекст храмового богослужения в форме вотивных приношений как реакция на изменения в византийском обществе. Персональные кресты включались в процесс общецерковной молитвы за живых и усопших [22, 202–218]. Несомненно, процессионный крест-складень из Эрмитажа относится к категории персональных процессионных крестов, посвященных христианскому храму, на что прямо указывает его вокативная надпись от лица некого Луки.

Мы пока не можем допустить, что «аланские» кресты имели своим непосредственным прототипом соответствующий персональный процессионный крест-складень. Но нельзя исключать и возможность, что между ними стояли энколпионы, сделанные по образцу процессионного креста-складня, которые остаются до сих пор неизвестными. Второй вариант, как уже отмечалось выше, представляется наиболее вероятным. В его пользу, кроме приведенных наблюдений, говорит то, что один из «аланских» крестов, найденный в Ставропольском крае, отличается признаками прежнего наличия подвижного оглавия [1, 341, рис. 13], что могло бы поставить его на место промежуточного звена между прототипами-энколпионами и другими более грубо исполненными «аланскими» крестами с петлей и сквозным отверстием для подвешивания. На «аланских» крестах также представлен небольшой округлый выступ на нижней лопасти, что может имитировать шарнирное соединение створок энколпионов.

Вопрос о месте формирования таких энколпионов открыт. Но важно, что на сегодняшний день об их вероятном существовании свидетельствуют только находки из Змейского и Келийского могильников, а также другие односторонние кресты с Северного Кавказа. При допуске отливки «аланских»

крестов по формам энколпионов, они должны восходить к образцам с высокорельефными изображениями, в отличие от гравированных изображений процессионного креста-складня.

Исключительность формы процессионного креста-складня среди процессионных крестов, которая послужила основой для «аланских» крестов, допускает и особо тесные отношения между ними за счет непосредственного пребывания алан в соответствующих районах Византии. Как известно, аланы находились на службе непосредственно в Византийской империи. Появление алан в Малой Азии могло обуславливаться и переносом центра Аланской митрополии, как полагают, между 1082 г. и 1105 г. [23, 39], к Трапезунду.

Кроме того, Никита Хониат, например, сообщал, что в 1185 г. византийцы, в составе армии которых были и аланы-наемники, освободили от норманнов Сицилии второй по значимости в империи город Фессалоники. Аланы беспощадно уничтожали норманнов. Они мстили за убийства теми своих соотечественников при захвате города. Аланы уничтожали и норманнов, пытавшихся укрыться в церквах, напоминая им об убийствах ими здесь священников. Стихотворное переложение данного сообщения сохранил Ефраим [24, 284–285, 311–312].

Понятна месть алан за своих соотечественников. Согласно источнику, их было прежде много в городе. Проживавшие в Фессалониках аланы, вполне вероятно, были христианами. Месть за священников могла бы подразумевать наличие и среди них этнических алан. В любом случае, данный эпизод может указывать и на месть алан как христиан. Ранее при защите города, по свидетельству Евстафия Солунского, отличились именно аланы [24, 286]. Они были именно северокавказскими аланами, т.к. вместе с ними упоминается некоторое число иберов.

Аланы проживали и в самом Константинополе. По парафразу Бартолфа к произведению Фульхерия, составленному в 1106–1109 гг., то есть гораздо ранее событий в Фессалониках, аланы поставлены среди населения столицы Византии на третье место после греков и болгар [25, 177, n. 1]. Надо полагать, что среди них также были христиане.

Следует помнить, что аланы-наемники неоднократно появлялись в самой Византии, где непосредственно общались с православным миром. Например, они упоминаются среди тех иноземных воинских формирований, от постоя которых был в 1088 г. освобожден монастырь на о. Патмос императором Алексеем I Комниным [26, 373]. Такой постой полагался наемникам вне зависимости от вероисповедания. Но подобное пребывание для алан, чья страна давно официально приняла христианство, а ее аристократия была тесно связана с высшей аристократией Византии, включая императорскую, могло иметь свое значение в плане общения с единоверцами внутри собственно церковной организации.

Сегодня допустимо согласиться с замечанием [15, 130, сн. 12], что нельзя считать, как предполагалось [2, 496], непосредственными прототипами «аланских» крестов русские энколпионы, прототипами которым, в свою очередь, служили те же византийские процессионные кресты. Но общая имитация ими русских или византийских энколпионов, находки которых в Предкавказье хорошо известны [15, 130, 131], что и полагалось

ранее, вполне допустима. Она допустима как проявление дополнительного влияния на выработку образа «аланских» крестов. Теперь допускается [27, 296] и влияние форм энколпионов с четырьмя медальонами на перекрестиях.

Кроме того, определение прототипа для «аланских» крестов, вкупе с наблюдениями за изображениями на других крестах-энколпионах и на процессионных крестах, позволяет полагать, что среди восьми христианских персонажей в медальонах на окончаниях креста представлены не только святые, как до сих пор считалось. Створка персонального процессионного креста-складня позволяет точно назвать персонажи на «аланских» крестах с христианской позиции. Осторожное приведение [15, 131] в качестве прототипа еще и изображений крестов в «абрисах», известных по капподокийским росписям XI в., а также на стене Сентинского храма Алании – в росписях второй половины XI – начала XII в., 1050–1070 гг. [28, 213–215, 237–239], представляется в таком случае излишней.

На процессионном кресте из Адрианополя особое место занимает образ Иоанна Крестителя, что полагает его дар церкви, посвященной данному святому, или представление в особом праздновании освящения вод как особого образа крещения [17, 60]. Подобное положение образа Иоанна Крестителя, символизирующего спасение через крещение, представлено и на византийском персональном процессионным кресте-складне. Его производство, как и первого процессионного креста [18, 51], обычно связывается с Константинополем. Сам он также рассматривается как дар церкви в Малой Азии, посвященной Иоанну Крестителю.

Образ Иоанна Крестителя сопряжен с образом Илии-пророка (данное сопряжение прямо представлено в Евангелии), что оценивается как появление общеимперской иконографической программы, когда происходила реинтеграция образов в новую систему. В Вифинии (фема Опсикий, Малая Азия) отмечаются церковь, посвященная Иоанну Крестителю, и не идентифицируемое сейчас местечко Katirli, в котором находилась гора, связанная с легендой об огненном восхождении пророка Илии [20, 180–182].

Интересно, что у осетин именно образ Иоанна Крестителя, как у многих европейских народов, связан с огненно-солярным символом. У алан солярные символы, например, в форме солярных амулетов достаточно рано подвергались христианской переработке, а символ солнца нередко присутствует и на христианских крестах. На таких солярных амулетах и иных предметах нередко представлены личины. Они зафиксированы и на предметах из захоронений высшей аланской аристократии в самом христианском центре Алании. Причем такие аланские солярные амулеты практически синхронны процессионному кресту-складню и «аланским» крестам.

Процессионные кресты также связаны с солярным началом, о чем, например, свидетельствуют изображения розеток на том же процессионном кресте из Андрианополя. Солярная символика христианских крестов наглядно представлена и в находках с территории Алании [29, 185–187]. Солярными символами украшены упоминавшиеся нательные кресты типа VIII, варианта 1, представляющие общую форму с «аланскими» крестами. Подобный

циркульный орнамент, как отмечалось, иногда представлен и на персональных процессионных крестах.

Поэтому мы можем полагать взаимную адаптацию традиционных и христианских верований в Алании. Показательно, что если на византийских процессионных крестах и крестах-энколпионах представлены бюстовые изображения христианских персонажей, как и на русских образца – бюстовые и поясные, то на «аланских» крестах мы имеем грубые изображения личин. Они представлены и на энколпионах (рис. 7) с четырьмя медальонами на концах лопастей креста с того же Калежского городища [14, 120, рис. 1, *18*]. Изображения подобны по форме личинам с предметов, демонстрирующих традиционные религиозно-мифологические воззрения алан. Только на одном кресте, сохраняющем детали самих энколпионов, представлена попытка более мелкой проработки личин [1, 341, рис. 13]. На остальных всякие детали отсутствуют.

Рис. 7.
(Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. 2012)

Столь же показательно, что в катакомбе № 92 Даргавского могильника крест зафиксирован вместе с небольшим ножом в районе пояса, надо полагать, по сопровождающему инвентарю (стеклянный браслет, «копоушка», «ногтечистка», кабаний клык), погребенной женщины. Несомненно, здесь он располагался на одном из обычных для аланских традиционных амулетов месте, то есть был подвешен к поясу, и в таком положении выполнял не свойственные христианскому символу функции.

У алан в подавляющем большинстве амулеты использовались именно женщинами. Сам погребальный комплекс свидетельствует о том, что погребенные в нем люди были носителями традиционных верований алан. Обстоятельства находки склепанных крестов из катакомбы Змейского могильника, к сожалению, остаются неизвестны. Но обнаружение в ней зооморфной застежки, аналогичной находке из даргавской катакомбы, демонстрирует знаковое сближение обоих погребений.

Отмечается, что изображения пророков у византийцев нередко воспринимались как апотропейоны [20, 181]. Аналогичная функция относится и к изображениям личин на аланских солярных амулетах и иных предметах. Поэтому мы вновь можем повторить, что личины на аланских амулетах дают еще один пример взаимодействия христианства с местными традициями в Алании.

Конечно, данное решение может быть отвергнуто [15, 130, сн. 12; 27, 295, сн. 117]. Но отвергнуто оно может быть только на основании аргументированного анализа. В настоящее время мы имеем лишь неаргументированное отрицание, что справедливо оценивается как неубедительное [30, 62]. Например, выделение особого положения

образа Иоанна Крестителя на интересующих нас предметах лишь дополнительно укрепляет представленную гипотезу.

Параллелью такому положению могут служить, например, германские и славянские универсальные (интерконфессиональные) обереги, сочетающие древнегерманские языческие изображения мужских личин и форму христианского креста, что отражало реакцию языческой среды на процесс внедрения в нее христианской традиции. Такие обереги были христианскими по форме, но все еще языческими по содержанию [31, 17–22]. Обратившие на них внимание исследователи справедливо указали еще на медальон из старорязанского клада XIII в. (2005 г.) с четырьмя личинами вокруг процветшего креста и на пряжку из комплекса IX в. с Северного Кавказа с крестообразно расположенными личинами, которые в одиночку представлены и на других пряжках [32, 114].

Можно уточниться с северокавказскими примерами. Речь идет о материалах из аланской катакомбы № 10 Мартан-Чуйского I могильника (Чечня), датируемых временем не позднее рубежа IX–X вв. Кроме пряжки с крестообразно расположенными личинами в погребении представлены еще две пряжки от поясного набора с одиночными личинами, одна из которых помещена между двумя крестами. Само погребение относят к группе захоронений, в которой могло отразиться влияние христианства, включающее и данное изображение [33, 73, рис. 6, 3–5, 84–85; 34, 138]. В свою очередь, появление христианских крестов отмечается на традиционных аланских зеркалах, порой сочетаясь с их прежними изображениями.

1. *Туаллагов А.А.* Образ волшебного колеса в осетинском эпосе и истории // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А.А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ, 2017. С. 275–342.

2. *Туаллагов А.А.* К изучению христианской символики Алании // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 496–498.

3. *Бакушев М.А., Леонтьев А.С.* Погребения в дромосах катакомб Змейского катакомбного могильника // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск, 2018. С. 397–399.

4. *Савенко С.Н.* К вопросу о признаках, особенностях и характерных чертах городских некрополей Центрального Предкавказья X–XIV вв. // Археология евразийских степей. VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, 2018. № 4. С. 287–291.

5. *Савенко С.Н.* Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. // Археология евразийских степей. Пятигорск, Казань, 2017. Вып. 24.

6. *Дзаттиаты Р.Г., Албегова (Царикаева) З.Х., Успенский П.С.* Хронология могильника Даргавс в Северной Осетии (по материалам поясных наборов) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. тр. Барнаул, 2017. [Электронный ресурс]. 1 эл. опт. диск (DVD-ROM). ISBN 978-5-7904-2196-9. № гос. регистрации 0321703484. URL: http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896

7. *Прокопенко Ю.А.* Этапы распространения предметов христианской символики в Центральном Предкавказье в VI–XIII вв. // Археология и этнология Северного Кавказа: Сборник научных трудов. Нальчик, 2015. Вып. 5. С. 79–87.

8. *Нарожный Е.И.* Еще раз о предметах мелкой христианской пластики с Северного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.). М., 1996. С. 119–121.

9. *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески X–XV веков. М., 2010.

10. *Кайль В.А., Нечитайло В.В.* Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII столетий. Луганск, 2006.

11. *Бубенок О.Б.* Поширення християнства серед аланів Північного Причорномор'я // Східний світ. Київ, 2000. № 1. С. 15–35.

12. *Гнутова С.В.* Медная мелкая пластика Древней Руси (Типология и бытование) // Русское медное литье. Сборник статей. М., 1993. Вып. 1. С. 7–20.

13. *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.

14. *Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р.* Новые предметы средневековой мелкой пластики из Кабардино-Балкарии // Историко-археологический альманах. Армавир–Краснодар–М., 2012. Вып. 11. С. 119–139.

15. *Чхаидзе В.Н.* Аланские имитации византийских крестов-энколпионов (XI–начало XIII вв.) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2018. Вып. 46. С. 127–133.

16. *Cotsonis J.A.* Byzantine Figural Processional Crosses. Catalogue of an exhibition of Dumbarton Oaks, 23 September 1994–29 January 1995 // Dumbarton Oaks Byzantine Collection Publication. Washington, 1994. № 10.

17. *K(atsarelias) D.G.* 23. Processional Cross // The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261. New York, 1997. P. 59–60.

18. *Marcović M.* Note on a Byzantine Processional Cross from the George Ortiz Collection // Зограф. Часопис за средњовековну уметност, број 30, 2004–2005. Београд, 2005. P. 33–52.

19. *Чхаидзе В.Н.* Византийские кресты-энколпионы и тельники на Северном Кавказе и их аланские дериваты // Византийский мир: реалии и интерпретации: тезисы докладов XIV научных Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 10–12 октября 2018 г.). Екатеринбург, 2018. С. 55–57.

20. *Залесская В.Н.* Византийский процессионный крест XI в. в собрании Эрми-

тажа (особые литургические функции памятника) // Античная древность и средние века. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2013. Вып. 41. С. 178–182.

21. *Vryonis S.P.* Byzantine Society and Civilization // The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261. New York, 1997. P. 4–19.

22. *Мусин А.Е.* Металлические кресты // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Археологический альманах. Киев, 2015. № 32. С. 189–218.

23. *Малахов С.Н.* Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей: избранные статьи. М., 2015..

24. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

25. *Fulcheri Carnotensis.* Historia Hierosolymitana (1095–1127). Mit Erläuterungen und einem Anhange herausgegeben von Heinrich Hagenmeyer. Heildelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1913.

26. *Zachariae von Lingenthal, K.E.* Jus Graeco-Romanum. Pars III. Novellae Constitutionis Imperatorum post Justinianum. Quae Supersunt. Collatae et Ordine Chronologico Digestae. Lipsiae, 1858.

27. *Чхаидзе В.Н.* Кресты Алании (X–XIII вв.) // Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М., 2019. С. 282–298.

28. *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства и Северо-западного Кавказа. М., 2011.

29. *Малахов С.Н.* Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. I. С. 183–194.

30. *Мамиев М.Э.* Солярная символика христианских крестов средневековой Алании // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2019. № 4. С. 60–65.

31. *Кулаков В.И., Валуев А.А.* Европейские универсальные обереги VII–IX вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2001. Вып. 212. С. 17–23.

32. *Король Г.Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки // Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. М.; Кемерово, 2008. Вып. V.

33. *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Мартан-Чуйский I-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977–1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 5–27.

34. *Мамаев Х.М.* Погребальный обряд раннесредневековых катакомбных могильников Среднего Притеречья (некоторые итоги изучения) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 133–146.

Tuallagov, Alan A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); alan167@mail.ru

ONCE AGAIN ON THE "ALANIAN" CROSSES.

Keywords: *crosses, reliquary crosses, processional crosses, Alania, Byzantium.*

The article is devoted to the so-called "Alan" bronze one-sided crosses found on the territory of historical Alania, including directly in the Alanian catacomb burials on the territory of modern North Ossetia. The crosses have figured endings with pair of inscribed medallions. In the medallions are represented rudely executed masks, and in the center of the crosses is a Crucifix or Our Lady of Hodegetria. Currently, nine corresponding samples are known. Two of them were clearly mimic the reliquary crosses. Finds of crosses in complexes allow us to consider the lower chronological boundary of the existence of crosses of this type among the Alans of the North Caucasus of the XI–XII centuries. One of the types of underwear crosses from the territory of Ancient Russia is close to them in form and chronologically. It is assumed that it was the product of a provincial Byzantine workshop. But directly "Alanian" crosses, as the researchers have established, are comparable to the unique type of processional cross, originating from Constantinople and also chronologically close. It should be assumed that the direct samples for the "Alanian" crosses were similar procession crosses, which would testify to the established special connection with them the Alans, or reliquary crosses, most apparently, the samples of which remain unknown until now. Other Byzantine and Russian reliquary crosses may also have an additional influence on the development of their forms. The processional cross makes it possible to clarify with specific images of roughly depicted characters in medallions, which were previously defined only as «saints». At the same time, the local conversion of images on the "Alanian" crosses is undoubted. Some additional observations, among other things, suggest an ideological convergence between the ideas reflected in the processional crosses and the traditional Alan solar beliefs.

REFERENCES

1. Tuallagov, A.A. *Obraz volshebnogo kolesa v osetinskom epose i istorii* [The image of the magic wheel in the Ossetian epos and history]. *ALANICA. Sbornik izbrannykh statei doktora istoricheskikh nauk A.A. Tuallagova. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya* [ALANICA. Collection of selected articles of doctor of historical sciences A.A. Tullagov. To the 50th birthday]. Vladikavkaz, 2017, pp. 275–342.

2. Tuallagov, A.A. *K izucheniyu khristianskoi simvoliki Alanii* [To the study of the Christian symbolism of Alania]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX "Krupnovskie chteniya" po arkheologii Severnogo Kavkaza. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Karachaevsk, 22–29 aprelya 2018 g.* [Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in Antiquity and Middle Ages. XXX "Krupnov readings" on archaeology of the North Caucasus. Proceedings of the International scientific conference. Karachayevsk, April 22–29, 2018]. Karachayevsk, 2018, pp. 496–498.

3. Bakushev, M.A., Leontiev, A.S. *Pogrebeniya v dromosakh katakomb Zmeiskogo katakombnogo mogil'nika* [Burials in the dromos of the catacombs of the Zmeika catacomb burial ground]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX "Krupnovskie chteniya" po arkheologii Severnogo Kavkaza. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Karachaevsk, 22–29 aprelya 2018 g.)* [Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in Antiquity and Middle Ages. XXX "Krupnov readings" on the archaeology of the North Caucasus. Proceedings of the International scientific conference. Karachayevsk, April 22–29, 2018]. Karachayevsk, 2018, pp. 397–399.

4. Savenko, S.N. *K voprosu o priznakakh, osobennostyakh i kharakternykh chertakh gorodskikh nekropolei Tsentral'nogo Predkavkaz'ya X–XIV vv.* [To the question of the signs, features and characteristics of the urban necropolises of the X-XIV centuries Central Ciscaucasia]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei. VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve", posvyashchennaya pamyati G.A. Fedorova-Davydova* [Archeology of the Eurasian steppes. VIII International Scientific Conference "Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space" dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov]. Kazan, 2018, no. 4, pp. 287–291.

5. Savenko, S.N. *Kharakteristika sotsial'nogo razvitiya alanskogo obshchestva Severnogo Kavkaza po materialam katakombnykh mogil'nikov X–XII vv. n.e.* [Characteristics of social development of the Alanian society of the North Caucasus based on the materials of catacomb burial grounds of the X–XII centuries AD]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes]. Pyatigorsk, Kazan, Izdatel'skii dom "Kazanskaya nedvizhimost'", 2017, iss. 24. 384 p.

6. Dzattiaty, R.G., Albegova (Tsarikaeva), Z.Kh., Uspensky, P.S. *Khronologiya mogil'nika Dargavs v Severnoi Osetii (po materialam poyasnykh naborov)* [Chronology of the Dargavs burial ground in North Ossetia (based on the materials of the belt sets)]. *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd. Sb. nauch. tr.* [V (XXI) All-Russian Archaeological Congress. Collection of research papers. (DVD-ROM). ISBN 978-5-7904-2196-9. State registrations no. 0321703484]. Barnaul, Altay State University, 2017. [Electronic resource]. URL: http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896

7. Prokopenko, Yu.A. *Etapy rasprostraneniya predmetov khristianskoi simvoliki v Tsentral'nom Predkavkaz'e v VI–XIII vv.* [Stages of distribution of subjects of Christian symbolism in Central Caucasus in the VI–XIII centuries]. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza: Sbornik nauchnykh trudov* [Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of research papers]. Nalchik, 2015, iss. 5, pp. 79–87.

8. Narozhnyi, E.I. *Eshche raz o predmetakh melkoi khristianskoi plastiki s Severnogo Kavkaza* [Once again about the subjects of small Christian plastic arts from the North Caucasus]. *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza (XIX "Krupnovskie chteniya") (Moskva, aprel' 1996 g.)* [Actual problems of archeology of the North Caucasus (XIX "Krupnov readings") (Moscow, April 1996)]. Moscow, 1996, pp. 119–121.

9. Kutasov, S.N., Seleznev, A.B. *Natel'nye kresty, krestovklyuchennye i krestovidnye podveski X–XV vekov* [Underwear crosses, cross-included and cruciform pendants of the X–XV centuries]. Moscow, Gruppa "IskatelI", 2010. 320 p.

10. Kail, V.A., Nechitailo, V.V. *Katalog natel'nykh khristianskikh krestov, podvesok i nakladok s izobrazheniem kresta perioda Kievskoi Rusi X–XIII stoletii* [Catalog of Christian underwear crosses, pendants and overlays with the image of the cross of the Kievan Rus period of the X–XIII centuries]. Luhansk, PTs "Maxim", 2006. 187 p.

11. Bubenok, O.B. Poshyrennja hrystyjanstva sered alaniv Pivnichnogo Prychornomor'ja [The dissemination of Christianity among the Alans of the Black Sea Northern region]. Shidnyj svit [East]. Kyïv, 2000, no. 1, pp. 15–35. (in Ukrainian)

12. Gnutova, S.V. *Mednaya melkaya plastika Drevnei Rusi (Tipologiya i bytovanie)* [Small copper plastics of Ancient Russia (Typology and existence)]. *Russkoe mednoe*

lit'e. Sbornik statei [Russian copper casting. Collection of articles]. Moscow, 1993, iss. 1, pp. 7–20.

13. Korzukhina, G.F., Peskova, A.A. *Drevnerusskie enkolpiony. Kresty-relikvarii XI–XIII vv.* [Old Russian encolpions. Reliquary crosses of the XI–XIII centuries] St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 432 p.

14. Malakhov, S.N., Rudnitsky, R.R. *Novye predmety srednevekovoi melkoi plastiki iz Kabardino-Balkarii* [New subjects of medieval small plastic arts from Kabardino-Balkaria]. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and archaeological almanac]. Armavir–Krasnodar–Moscow, 2012, iss. 11, pp. 119–139.

15. Chkhaidze, V.N. *Alanskie imitatsii vizantiiskikh krestov-enkolpionov (XI – nachalo XIII vv.)* [Alanian imitation of Byzantine reliquary crosses (11 – early 13 centuries)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg, 2018, iss. 46, pp. 127–133.

16. Cotsonis, J.A. Byzantine Figural Processional Crosses. Catalogue of an exhibition of Dumbarton Oaks, 23 September 1994–29 January 1995. Dumbarton Oaks Byzantine Collection Publication. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994, no. 10. 124 p.

17. K(atsarelias), D.G. 23. Processional Cross. The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261. New York, 1997, pp. 59–60.

18. Marcović, M. Note on a Byzantine Processional Cross from the George Ortiz Collection. *Zograf. Časopis za srednjovekovnu umetnost, broj 30, 2004–2005* [Zograf. Journal of Medieval Art, no. 30, 2004–2005]. Beograd, 2005, pp. 33–52.

19. Chkhaidze, V.N. *Vizantiiskie kresty-enkolpiony i tel'niki na Severnom Kavkaze i ikh alanskie derivaty* [Byzantine reliquary crosses and underwear crosses in the North Caucasus and their Alanian derivatives]. *Vizantiiskii mir: realii i interpretatsii: tezisy dokladov XIV nauchnykh Syuzyumovskikh chtenii, Ekaterinburg, 10–12 oktyabrya 2018 g.* [Byzantine world: realities and interpretations: abstracts of the XIV Scientific Syuzyum readings (Ekaterinburg, October 10–12, 2018)]. Ekaterinburg, 2018, pp. 55–57.

20. Zalesskaya, V.N. *Vizantiiskii protsessionnyi krest XI v. v sobranii Ermitazha (osobye liturgicheskie funktsii pamyatnika)* [Byzantine processional cross of the XIth century in the Hermitage collection (the specific liturgical functions of the monument)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka. Sbornik nauchnykh statei* [Ancient antiquity and the Middle Ages. Collection of scientific articles]. Ekaterinburg, Ural State University, 2013, iss. 41, pp. 178–182.

21. Vryonis, S.P. Byzantine Society and Civilization. The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261. New York, 1997, pp. 4–19.

22. Musin, A.E. *Metallicheskie kresty* [Metal crosses]. *Drevnosti Semidvor'ya I. Srednevekovyi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniya i materialy. Arkheologicheskii al'manakh* [Antiquities of Semidvorie I. Medieval two-apse temple in the Edi-Evler tract (Alushta, Crimea): research and materials. Archaeological almanac]. Kiev, 2015, no. 32, pp. 189–218.

23. Malakhov, S. N. *Alaniya i Vizantiya: Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh svyazei: izbrannye stat'i* [Alania and Byzantium: Source study aspects of political and church relations: selected articles]. Moscow, SEM, 2015. 372 p.

24. Alemany, A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow, Menedzher, 2003. 608 p.

25. Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana (1095–1127). Mit Erläuterungen und einem Anhange herausgegeben von Heinrich Hagenmeyer. Heildelberg, Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1913. 915 p.

26. Zachariae von Lingenthal, K.E. Jus Graeco-Romanum. Pars III. Novellae Constitutionis Imperatorum post Justinianum. Quae Supersunt. Collatae et Ordine Chronologico Digestae. Lipsiae, T.O. Weigel, 1858. 748 p.

27. Chkhaidze, V.N. *Kresty Alanii (X–XIII vv.)* [Crosses of Alania (X–XIII centuries)]. Beletsky, D.V., Vinogradov, A.Yu. *Istoriya i iskusstvo khristianskoi Alanii* [Beletsky, D.V., Vinogradov, A.Yu. History and art of Christian Alania]. Moscow, Taus, 2019, pp. 282–298.

28. Beletsky, D.V., Vinogradov, A.Yu. *Nizhnii Arkhyz i Senty: drevneishie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Lower Arkhyz and Senty: the oldest temples of Russia. Problems of Christian art of Alania and the North-West Caucasus]. Moscow, Indrik, 2011. 392 p.

29. Malakhov, S. N. *Srednevekovye enkolpiony i kresty-tel'niki iz Verkhnego Prikuban'ya* [Medieval encolpions and pectoral crosses from the Upper Kuban area]. *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza* [Antiquities of the Western Caucasus]. Krasnodar, 2013, iss. I, pp. 183–194.

30. Mamiev, M.E. *Solyarnaya simvolika khristianskikh krestov srednevekovoi Alanii* [Solar symbolism of Christian crosses of medieval Alanya]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov]. 2019, no. 4, pp. 60–65.

31. Kulakov, V.I., Valuev, A.A. *Evropeiskie universal'nye oberegi VII–IX vv.* [European universal amulets of the VII–IX centuries]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2001, iss. 212, pp. 17–23.

32. Korol, G.G. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [Art of medieval nomads of Eurasia. Essays]. *Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva* [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art]. Moscow; Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2008, iss. V. 332 p.

33. Vinogradov, V.B., Mamaev, Kh.M. *Martan-Chuiskii I-i mogil'nik v Chechne (materialy raskopok 1977–1978 gg.)* [The 1st Martan-Chu burial ground in Chechnya (materials of 1977–1978 years excavations)]. *Srednevekovye pogrebal'nye pamyatniki Checheno-Ingushetii* [Medieval burial monuments of Chechen-Ingushetia]. Grozny, 1985, pp. 5–27.

34. Mamaev, Kh.M. *Pogrebal'nyi obryad rannesrednevekovykh katakombnykh mogil'nikov Srednego Priterech'ya (nekotorye itogi izucheniya)* [Burial rite of the Early Medieval catacomb burial grounds of the Middle Terek area (some results of the study)]. *Pogrebal'nyi obryad drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnogo Kavkaza* [Burial rite of the ancient and medieval population of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, 1988, pp. 133–146.